

Александр ВЕДЕРНИКОВ: о судьбах классики и народной музыки

Надеждой жизнь осветить

Я иду на спектакль. Сегодня — «Иван Сусанин», в котором я пел больше ста раз. Иду привычным маршрутом: от улицы Неждановой до Большого театра подать рукой. В морозном воздухе мерцают уличные фонари. В мягком свете розовеют колонны Большого. Здесь всегда оживленно перед спектаклем и столько жаждающих заполучить «лишний билет». «Театр уж полон, ложи блещут...» Так было десять, двадцать, тридцать лет назад. Но все ли так радужно, благополучно, совершенно, как кажется? Знаю, что нет, и это не может не тревожить меня.

Меня волнует все, что связано с музыкой. Тридцать лет я служу на оперной сцене, выступаю на разных концертных площадках, часто езжу по стране. Как много за эти годы переменялось в нашей жизни, в искусстве... Хорошо, если бы только к лучшему.

фер тамси, пропадал вечерами то в оперном театре, то в клубе самодеятельности, где репетировал со своими товарищами с автобуса «Евгения Онегина». И такой вот энтузиазм, титя к прекрасному, большому искусству бывали в предвоенные годы, когда снимался этот фильм, и в особенности, как я уже говорил, после войны. Да и Большой театр для всех тогда был доступней, чем сейчас, когда его зал наполовину, а то и больше, забит иностранцами. В то время люди шли в Большой на общие основаниях, как это принято, надо сказать, в подобных театрах во всем мире и по сей день.

А где теперь услышишь знаменитых Маскакова, Пирогова, Михайлова, Шумскую? В фондах звукозаписи сохранились в их исполнении и классика, и народные песни. Но пластинки с голосами этих певцов не найти, и по радио о них вспоминают лишь от случая к случаю. А ведь они — гордость отечественного искусства. Скала нерушимая. Нам ли загрохотать в примерах музыкально-духовного воспитания?

Оперных кумиров у нас давно уже потеснили эстрадные.

Дискуссии о том, какая музыка нужна — серьезная или легкая, начавшись еще в 30-е годы и искусственно распаленные по сей день, давно показали свою бесплодность. Всем ясно, что легкая музыка нужна. Она была и будет так же, как и серьезная. Разные типы музыки и цели преследуют разные, как полотна живописи и предметы интерьера, украшающие быт. Но и та, и другая музыка может быть хорошей и плохой, созидающей и разрушающей. А это уже тема иного разговора, иная проблема, связанная с духовным общением, и с уподобным, драматичным состоянием культуры, нравственности, с потребительским мировосприятием.

Высота ль, высота поднебесная

Талантливейший публицист начала нашего века М. О. Меньшиков отмечал, что в деле подъема национального самосознания России русская музыка, песни делают гораздо больше, чем слово. Если слово

ре «Мужайся, княгиня» из оперы Бородин «Князь Игорь» древнюю русскую песню. А ее композитор отыскал и записал под Владимиром. Речь, конечно, не о механическом перенесении народной мелодии в музыкальное произведение. Дело в ее художественном перевоплощении. В том, чтобы передать дух, цель песни, или в том, чтобы воссоздать ее, как это сделал Римский-Корсаков в «Садко» с песней «Высота ль, высота поднебесная», взятой им из сборника Кирилла Данилова, которая звучит в финальном хоре 4-й картины оперы:

Высота ль, высота поднебесная, Глубота, глубота окиян море, Широко раздолье по всей земле, Глубоки омуты днепровские...

Главное — передать народный характер. Вот в чем единство композиции и народа.

Духовное могущество нашей песни неизмеримо и неисчерпаемо. Каждый может открыть в ней для себя источник мудрости, познания жизни. В ней правда и красота. Душа народа, его чаяния, печали, надежды, то, что заповедал он нам, потомкам, знать и помнить на века. А заповедал он

цом? И во время войны, когда я учился в горном техникуме (а жили мы тогда в городе Коркине — это в угольных районах Челябинской области), у нас в самодеятельности главных репертуаром были народные песни. Разведет наш балетист «Аромон» — а мы: «Не шуми ты, рожь, спелым колосом...» Помню, на одном из самодеятельных конкурсов я пел «Есть на Волге утес».

Народные исполнители были лучшими хранителями певческих законов и традиций, приходя в музыкальный театр, обогащая его сокровищами народного пения. Самоучкой, получившим главное свое вокальное и эстетическое образование в народе, у его певцов, был «дедушка русской оперы», первый исполнитель Ивана Сусанина при жизни Глинки и Пушкина Осип Афанасьевич Петров. Когда он лебятировал на оперной сцене в «Волшебной флейте» Моцарта, то, по свидетельству современников, не знал даже клавиатуры рояля. Однако это нисколько не помешало ему блестяще исполнить трудную партию Зарасторо. О. А. Петрова называли Шепкиным русской оперы, а Модест Мусоргский в конце 50-х го-

Мы говорим на языке, который вышел из глубины веков. Но ведь и у нашей музыки свой язык, своя история. И восходит она к началу начал — народной песне. В ней — и старинные византийские лады, и распевность... Отсюда идут традиции. Какие? Основная наша национальная музыка всегда была связана со словом. Сейчас очевидно засилье инструментальной музыки, появляется много сочинений, оторванных от родной почвы, культуры, народных традиций. Мало того, и очевидно, кому-то это выгодно, именно они зачастую провозглашаются «новым словом» космического века, «музыкальным завтра». Что греха таить? У нашей национальной музыки были раньше, есть и теперь неисчерпаемые богатства. Дед снорб и Чайковский ничто. Они обвиняют в банальности и сентиментальности. Газетчики национальной народной музыки ратуют за некий якобы универсальный, космополитический язык, за некую якобы измывавшуюся психологию слушателя, который жлет новых форм и решений, принципиально отличных от прошлого. Век-то, мол, сложный и бурный. А музыка должна отражать время. Но уже сейчас ясно, что дни таких сочинений сочтены, потому что настоящая музыка многопланова, очень многогранна, и маленький человек, становясь старше, начинает открывать в ней все новые и новые грани.

Как избавиться от музыкальной безграмотности, национального невежества? Эти вопросы очень и очень непростые. Их не решить разом. Надо многое менять в сознании, мировоззрении — процесс не одного года. Как, с чего начинать? Да с той же школы, с детского сада. Как конкретно представляю я себе такое воспитание? Например, должны быть простые музыкальные игры с первого класса, с садика. Игровые музыкальные занятия. Воль раньше же это было в нашем народе: образуют дети два ряда друг против друга, берутся за руки. Одни:

А мы просо сели, сели...

Другие:

А мы просо выпотчем, выпотчем...

А чем же вам выпотпать, выпотпать...

А мы коней выпустим, выпустим...

и т. д.

И весело детям, и интересно, все они вовлечены в единое игровое и музыкальное действо. Сейчас этого не знают, не поют. Повторяю, мы имеем такой богатый национальный материал, такой красоты и духовной силы, что нам ничего больше не надо выдумывать. Конечно, все нужно систематизировать, причем с расчетом на многие годы. Но важно: что положить в основу этой системы. Для меня совершенно ясно, что такой исходной основой должна стать только народная песня. И конечно, классика, золотая наша классика, которая у нас так многообразна. Два столпа национальной культуры — вот на чем необходимо строить серьезнейшую программу музыкального воспитания, охватывающую и дошкольные учреждения, и школы, и вузы, и, разумеется, средства массовой информации. И заниматься этой программой, ее воплощением в действие, в жизнь должны люди не просто с музыкальным образованием, а подвижники, энтузиасты, которым дорога духовно-нравственная культура народа.

Почему национальной культуры? Потому, что, как я уже говорил, наш музыкальный язык имеет свои национальные особенности, как и язык разговорный. Ребенок, вырастая, все-таки начинает объясняться не на чужом, а на родном языке. Точно так же и в музыке: он должен научиться понимать свой язык, научиться своему родному музыкальному мышлению. Это вполне естественно и не требует каких-либо особых доказательств, как то, что мы не можем не дышать. А он у нас изумительно богатый, этот музыкальный язык. И только глубоко познав его, открыв для себя, человек начинает сам постепенно тянуться к мировым пластам, мировым шедеврам музыкальной культуры.

Сейчас же у нас все отдано на откуп случайностям, наукообразным теориям, которые естественный этот ход ломают. Разве можно, например, начинать приобщение к музыке, начиная с произведений того же Шостаковича? Такой ребенок, если у него есть чувство правды, в конце концов не выдержит и скажет: «На-до-е-ло!» И немного повзрослев, лучше пойдет развлекаться в дискотеку — там по крайней мере никто не давит, не заставит слушать то, к чему не знаешь, с какой стороны подступиться. А между тем сколько прекрасной сказочной музыки у Римского-Корсакова, живописных, образных произведений у Лядова (его «Баба-Яга», «Кикимора», «Волшебное озеро», многочисленные детские песни на народные слова), Прокофьева, которые так понятны, интересны детям, которые так мудры, светлы, радостны, так близки миру фантазии и воображения ребенка. Повторяю, воспитывать надо только на самых высоких образцах.

Я хочу здесь привести мысль, принадлежащую Достоевскому. Она касается не только литературы, но и той же музыки, вообще духовно-нравственного воспитания и имеет прямое отношение к нашему разговору: «...холодные книги и холодное образование делают безнравственность более образованной и изощренной» — и только. Худло ли, бедно, но в школе все же изучают Пушкина, Лермонтова, Гоголя. А почему бы серьезно не заниматься Глинкой, Даргомыжским, Мусоргским?

В 1987 году в Большом зале Московской консерватории спустя многие десятилетия прозвучала «Всенощная» Рахманинова, написанная композитором во время первой мировой войны как торжественная песнь во славу красоты земли русской и его народа, о котором в древнем повествовании сказано: «Благочестив и многочислен, и добродетелен, и разумен, и многую мудростью одарен к ратному делу, строительством и храбростью и красотой, приветом и милостиво ко всем своим...» Я был на том памятном концерте. Люди буквально атаковали зал, и не только партер и амфитеатр — все ступеньки в проходах были заняты. Царила какая-то особая торжественная атмосфера, которая бывает, пожалуй, только во время событий исторической важности. Я слушал эти удивительные песнопения и думал: «Праздник-то какой сегодня и как рада ему публика!»

... * * * В 1987 году в Большом зале Московской консерватории спустя многие десятилетия прозвучала «Всенощная» Рахманинова, написанная композитором во время первой мировой войны как торжественная песнь во славу красоты земли русской и его народа, о котором в древнем повествовании сказано: «Благочестив и многочислен, и добродетелен, и разумен, и многую мудростью одарен к ратному делу, строительством и храбростью и красотой, приветом и милостиво ко всем своим...» Я был на том памятном концерте. Люди буквально атаковали зал, и не только партер и амфитеатр — все ступеньки в проходах были заняты. Царила какая-то особая торжественная атмосфера, которая бывает, пожалуй, только во время событий исторической важности. Я слушал эти удивительные песнопения и думал: «Праздник-то какой сегодня и как рада ему публика!»

РУССКИЕ СТРУНЫ

...Из десятков дисков, на которых я записывался, мне особенно дорога запись над оперой Мусоргского «Борис Годунов», осуществленная в 1983 году. Дорога потому, что вместе с Большим симфоническим оркестром Гостелерадио под управлением Владимира Федосеева и своими коллегами по театру — Ириной Архиповой, Владиславом Пьявко, Юрием Мазурком, Артуром Эйзеном — стал участником запоздалого, но значительного истории музыки события: первой в стране записи авторской версии оперы (1872), то есть той самой версии, которая создана композитором и сразу же после премьеры на сцене Мариинского театра оценена Стасовым как «великое торжество русского искусства».

Нелепо признаваться, за рубежом, в Англии и Франции, есть академические, полностью соответствующие первоисточнику записи «Ивана Сусанина» на русском языке. На Родине — нет! А ведь этот памятник нашей культуры — первая русская опера. Это же наш корень!

Найдутся ли примеры того, что где-то в Италии, Франции или других крупных странах ставились оперы национальных классиков с измененным оригиналом? Я такого не встречал.

Дуэнья, пришла пора с уважением относиться к вершинам отечественного искусства нашей национальной памяти, о важности которой предупреждал еще друг А. С. Пушкина, выдающийся русский мыслитель Петр Киреевский: «Нет ни высокого дела, ни стройного слова без живого чувства собственного достоинства... чувства собственного достоинства нет без национальной гордости, а национальной гордости нет без национальной памяти...»

Музыка — это идеология. Так было во все времена. Что будет звучать с подмостков оперных театров, с эстрадных площадок, с телевизионных экранов и бесчисленных магнитофонных кассет, определит не только формирование музыкальных вкусов юного поколения, но и его эстетические и этические идеалы. В конечном счете музыка трансформируется в мировоззрение. Теперь мы часто жалуемся на то, что молодежь наша повально увлечена неистовыми звуками и ритмами заимствованного происхождения. Интерес этот сугубо потребительский. Скучно слушать Баха, скудно смотреть Чехова... Подавайте развлечения! Но... Это психоз, массовая культура, ее дешелвое и пошлое заигрывание с молодежью происходит у нас дома, с нами. И поэтому каждый из нас в ответе за то, что перестал думать, сострадать, делать добро, помогать ближнему, мучиться сложнейшими вопросами бытия, что перестал искать радость и вдохновение в бессмертной классической музыке. Каждый из нас в ответе, каким станет новое поколение, что будет у него за душой, с чем оно придет в следующий, такой уже близкий век. И если говорить о перестройке нашего общества, то она, на мой взгляд, должна заключаться прежде всего в возврате к духовности.

Костры, зажженные на вершинах

Не так давно я вернулся с Урала, где прошла моя юность. Пел в сопровождении органа Баха, Генделя, Тайана в новом концертном зале — это бывшая церковь Александра Невского в Челябинске. Потом выступал в записках домах культуры — исполнял русскую классику: романсы Алябьева, Глинки, Даргомыжского, Мусоргского. Не скажу, что публика охлелала к таким концертам — билеты были распроданы, но интерес в основном проявляет к нам старшее поколение. Как до обидного мало в залах молодежи на концертах классической и народной музыки в сравнении с тем, что было в послевоенные годы, когда люди после перенесенных страданий и горя потянулись к серьезному искусству — душа не принимала фальши. Вспоминаю свою юность: как мы, студенты Московской консерватории, были счастливы хоть с галереи послушать Максима Дормидонтовича Михайлова, Надежду Андреевну Обухову, Александра Степановича Пирогова, Сергея Яковлевича Лемешева, Елизавету Владимировну Шумскую, Марию Петровну Макасову, поспать в театр на «Евгения Онегина», «Князя Игоря», «Русалку». И не только мы, студенты музыкальных вузов: консерватория обычно имела пропуски, уж во всяком случае на последний ярус. Вообще рабочая, студенческая молодежь. Был такой хороший старый кинофильм «Музыкальная история» с Лемешевым в главной роли. Так вот его герой, двадцатилетний Петя Говоров, шо-

«Сколько раз в жизни подступало отчаяние, когда я видел, как калечатся, как забываются классика и народная музыка... Но приходили такие люди, как Ведерников, и я понимал — не все пропадет!»

Эти слова принадлежат великому нашему современнику, композитору Георгию Васильевичу Свиридову, музыку которого превосходно исполняет прославленный русский бас, народный артист СССР Александр Ведерников. В издательстве «Советская Россия» готовится к выходу в свет книга раздумий певца — о жизни, о творчестве, о воспитании музыкой. Многие страницы ее посвящены размышлениям о текущих днях, о молодежи.

Сегодня мы предлагаем вниманию читателей фрагменты из этой книги.

Ансамбль камерной музыки «Барокко» из Ярославля хорошо знают в нашей стране и за рубежом. Фото В. Ковалева.

стучит в рассудок русскому обывателю, то они стучат ему в сердце. Народные исполнители — какой-нибудь беспечный артист с балабайкой или бесхитростная певица, считал он, что есть в современной хоровой музыке. Г. Свиридов, В. Гаврилин — в репертуаре этих двух замечательных наших коллективов.

И если кто не понимает такого высочайшего искусства, такой потрясающей уму и души музыки, бросается на низкопробные сочинения, это лишь свидетельство его крайне низкой образованности, недостойного воспитания, прямого доказательства того, что все наши так называемые институты культуры — театры, радио, филармония, концертные организации — просто плохо работают и всю систему их работы надо в корне менять.

Я редко смотрю телевизор (только очень хорошие передачи), но однажды меня более чем удивил комментарий поэта Андрея Вознесенского к выступлению нашего рок-ансамбля, который увидел в несомненном явлении массовой культуры «классичность» и даже «национальную самобытность». В чем и каким образом усмотрел тут национальную самобытность известный литератор, если рок сам по себе возник не у нас, а в Америке и не имеет ровным счетом никакого отношения к нашей тысячелетней культуре? Так немудрено совсем сойт с толку наших подростков, и без того не знающих истоков родного искусства, и вырастить из них закоренелых космополитов. А что значит в данном случае приклеенная «классичность»? Ведь так, с полдюжины подлинных критериев, ничего не стоит откровенный ширпотреб выдвинуть в разряд событий, возвести в ранг классики, а саму классику объявить архаизмом. Зрелый-то человек поймет, где мишура, стеклярус, побрякушка, а где драгоценность. А молодой — он еще в поисках себя, правды, истины. Какой-то смутной новизны, и его легко обмануть, ввести в заблуждение, если нет в его сознании прочных нравственных и художественных основ. «За новизной бежать смиренно народ бессмысленной привык» — это еще Пушкин сказал.

Вовсе не собираюсь противопоставлять классику року. Величины эти несопоставимы, и игра не стоит свеч.

высокие мысли и чувства, любовь к своей земле, ширь и удале русского характера. Вообще в народном понимании песня, искусство, любое мастерство для того и существуют, чтобы помогать человеку жить, чтобы давать ему новые силы, делать его лучше. Как тут не поспорить с кумирами современной эстрады, завидующими скульпторам и живописцам («картины и скульптуры не стареют», одновременно и утверждающим, что песня нужна только сегодня или никогда. До свидания, «Песня-1987», здравствуй «Песня-1988!» Это, конечно, смотря какая песня. Песенодождиев, на один сезон разведелось сейчас хоть пруд пруди. Запомнить даже некоторые из них невозможно, да и нет надобности — серость и бессмыслица редкостная. «Все бегут, бегут, бегут...» — и так до умопомрачения. Но вместе с такими «шедеврами» эстрады в одну упряжку с песней, которая нужна только сегодня, выходит, выпягивается и подлинно хорошее. Лучшие наши советские песни — Мокроусова, Соловьева-Седого, Блантера, песни военных лет... Наконец, народные — как быть с ними? Значит, в архиве? Неужели нужны доказательства, что только истинно настоящее — вечно? И если оно почему-либо уходит из жизни, то неминуемо влечет за собой потери нравственные, духовные...»

Русские песни просты, безыскусны, общепонятны. Каждая из них — откровение, переворачивающее душу. Вот уж действительно, правду сказал наш народ, что из песни слова не выкинешь. Разве можно что-то выкинуть, поправить в рожденных сердцем «Глухой неведомой тайгой», «Тонкой рибине», любимой шалынской «Прошай, радость»... Сколько трагической силы, тоски, глубинного смысла в таких вот неадаптированных и грустных, как все настоящее, строках:

Умру, в чужой земле зарюют, Заплачет маменька моя. Жена найдет себе другого, А мать сыночка никогда...

Я много и часто дел наши удивительные народные песни в концертах, записывал на пластинки и просто не представляю без них своей жизни. Ведь если б не пели у нас в семье, в деревне, стал ли бы я пев-

цы, певцов-самородков было на Руси! Нет ли чуда?

Предвижу возражения: народные песни, традиции. Но жизнь, мол, не стоит на месте. Как же новаторство? Опять же хорошо сказал по этому поводу Гоголь: прежде чем вводить что-либо новое, нужно не как-нибудь, но в корне узнать старое, иначе применение самого наилучшего открытия не будет успешно.

Гений всегда народен

Всеми своими корнями, воспитанием, творчеством был привязан к России Сергей Васильевич Рахманинов. Покинув ее в 1917 году, композитор трагически переживал разлуку с Родиной. Уехав из России, Рахманинов перестал сочинять. «У изгнанника, который лишился музыкальных корней, традиций и родной почвы, не остается желания творить», — писал он в те тяжелые для него годы, — не остается иных утешений, кроме нерушимого безмолвия нетревоженных воспоминаний. Первое произведение вдали от родины Рахманинов написал лишь через девять лет после расставания с ней. Это были, что знаменательно, Три русские песни для хора и оркестра. Первую из них — «Ах ты, Ванька» он записал с напева Шалаяна, «Белозиль, румяныи вы мои» — слышал от известной тогда исполнительницы русских песен Надежды Пивелич, а третью — «Через речку, речку быстр» — помнил с детства... «Гений — всегда народен», — сказал Александр Блок. Почему же, почему вся наша классика — произведения Глинки, Даргомыжского, Мусоргского, Бородина, Чайковского, Рахманинова — построена на народных основах? Ответ предельно ясен.